

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Врә).

III ¹⁾.

Кампанія 1805 года. — Отношеніе императора Александра I къ Пруссіи. — Возвращеніе его въ Петербургъ. — Придворныя интриги. — Приѣздъ въ Петербургъ герцога Брауншвейгскаго. — Отношеніе къ нему Александра I и общества. — Политическія комбинаціи.

Нѣтъ описанія событій, ознаменовавшихъ собою 1805 г., извѣстно, что въ злополучномъ исходѣ Аустерлицкаго сраженія были виновны главнымъ образомъ русскіе союзники императора Франца I и въ особенности безумное высокомеріе тѣхъ совѣтниковъ Александра I, которые побудили князя Шварценберга принять сраженіе преждевременно. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тѣ же самые люди, которые были виновны въ испытанной тяжелой неудачѣ, поспѣшили во всемъ обвинить австрійцевъ и счумѣли представить русскому монарху, что главною причиною пораженія была «измѣна и малодушіе имперскихъ войскъ».

Впослѣдствіи императоръ Александръ, увлекшись, говорилъ въ откровенной бесѣдѣ, что «среди этихъ бездѣльниковъ и измѣнниковъ (австрійцевъ) Стадионъ былъ однимъ изъ честнѣйшихъ людей». Этого было достаточно для того, чтобы всѣ кружки высшаго русскаго общества

¹⁾ „Русскую Старину“ мартъ 1902 г.

старались превзойти другъ друга, выказывая свое презрѣніе къ бывшимъ союзникамъ; но относительно того, что слѣдовало дѣлать дальше, т. е. надлежало ли продолжать войну съ Франціей или, по примѣру Австріи, заключить миръ съ Наполеономъ—мнѣнія расходились.

Новосильцовъ и князь А. Чарторыйскій, самые вліятельные изъ лицъ, совѣтовали императору принять участіе въ войнѣ, были не прочь измѣнить свое мнѣніе и сдѣлать попытку къ соглашенію съ Наполеономъ, если это могло быть достигнуто на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. Многіе изъ ихъ товарищей высказывались съ самаго начала за необходимость заключить миръ, какъ-то: министръ финансовъ графъ Васильевъ, министръ юстиціи князь Лопухинъ, всегдашній сторонникъ Франціи, министръ торговли, графъ Румянцевъ, бывший вице-канцлеръ князь Курякинъ и другіе. Къ голосу этихъ лицъ, ратовавшихъ за необходимость заключить миръ, присоединялась иногда и вдовствующая императрица.

Она дѣлала это, разумѣется, не по убѣжденію, такъ какъ всему міру было извѣстно, что дочь Виртембергскаго принца была заклятымъ врагомъ французовъ и революціи,—но изъ желанія играть политическую роль и, примѣнувъ «къ оппозиціи», выказать свое вліяніе, которое она не могла проявить инымъ путемъ.

Этому меньшинству можно было противопоставить цѣлую фалангу ярыхъ ненавистниковъ Франціи, коихъ было особенно много въ среднемъ классѣ, гдѣ можно было встрѣтить не однихъ только рѣшительныхъ приверженцевъ «англійской системы». Къ нимъ принадлежали графъ Воронцовъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ и графъ Гурьевъ, многіе генералы и представители торговаго сословія, понимавшіе, что благосостояніе Россіи зависѣло отъ поддержанія добрыхъ отношеній къ Англій (главной, даже можно сказать единственной потребительницѣ сырыхъ произведеній страны) и наконецъ консервативные сановники, руководствовавшіеся совѣтами сардинскаго и неаполитанскаго посланниковъ де Мэстра и Серра Каприола, услугами которыхъ какъ нельзя лучше умѣла пользоваться англійская дипломатія. Люди, кои не принимали никакого участія въ войнѣ 1805 г. и считали себя приверженцами Екатерины II потому, что они не одобряли участія Россіи въ какихъ бы то ни было «европейскихъ» дѣлахъ, сходились теперь во мнѣніи съ убѣжденными сторонниками войны, которые ставили такъ называемое величіе Россіи выше всякихъ иныхъ соображеній и считали, въ своемъ безумномъ высокомеріи, что русскимъ ничего не стоило бы побѣдить величайшаго полководца нашего времени, если бы царь серьезно этого захотѣлъ.

Но чего именно хотѣлъ царь, этого никто не зналъ. При тогдашнемъ состояніи русскаго общества вполне понятно, что придворные, дворянство и чиновныя лица считали верхомъ премудрости и высшимъ про-

явленіемъ патріотизма угадать мысли его величества. Поэтому возвращенія императора изъ его продолжительнаго путешествія, которое затнулось нѣсколько мѣсяцевъ, ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ, которое возросло съ каждымъ днемъ и, наконецъ, перешло въ настоящее лихорадочное нетерпѣніе.

Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ потерпѣлъ неудачу, кратчайшимъ путемъ, не захвативъ даже въ прусскую столицу. Уже не говоря объ его неудовольствіи по поводу того, что Пруссія не только не приняла участія въ походѣ 1805 г., но даже ставила всевозможныя препятствія русскому войску при его прохожденіи въ Австрію, на это рѣшеніе императора имѣли вліяніе также соображенія политическаго свойства.

Александръ, склоняясь къ тому, чтобы прекратить войну, которую не одобряли многіе его совѣтники и большинство населенія, и, находя нужнымъ «подумать о самомъ себѣ и о своихъ интересахъ» (какъ онъ выразился 5-го декабря въ разговорѣ съ императоромъ Францомъ въ Колычѣ), не могъ дать королю Фридриху-Вильгельму III никакого совѣта или изложить ему какую-либо опредѣленную программу до тѣхъ поръ, пока военныя дѣйствія противъ Франціи не прекратились. Впрочемъ, у императора и не было никакого опредѣленнаго плана. Зная лишь то, чего онъ не хотѣлъ дѣлать, Александръ не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія относительно того, слѣдовало ли заключить миръ съ Франціей или же слѣдовало оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ.

Поэтому онъ предоставилъ королю прусскому придти съ Франціей къ какому-либо соглашенію, не обращая вниманія на Россію, и этимъ далъ графу Гаугвицу возможность послѣдовать своимъ миролюбивымъ стремленіямъ, чѣмъ прусскій министръ и воспользовался, заключивъ съ уполномоченнымъ Наполеона, Дюрокомъ, предварительныя условія мира 15-го декабря 1805 г.

Въ то время какъ дѣла находились въ столь неопредѣленномъ положеніи, которое не могло, разумѣется, поднять значеніе Россіи, Александръ возвратился въ свою столицу, побѣдителемъ. Въ бумагахъ графа де-Бре сохранилась копія съ одного интереснаго и до сихъ поръ не обнародованнаго донесенія, повѣствующаго о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось возвращеніе императора, и о вѣдшихъ проявленіяхъ, коими оффиціальная и придворная Россія и приближенные монарха выразили свое удовольствіе по поводу его возвращенія (какъ полагали и а в с е г д а), и по поводу того, что онъ не будетъ долѣе подчиняться иноземному вліянію. Авторомъ этого донесенія былъ аккредитованный въ Петербургъ въ теченіе многихъ лѣтъ баварскій повѣренный въ дѣлахъ ф. Ольри, который исполнялъ должность уѣзжавшаго въ отпускъ ф. Пота и былъ хорошо знакомъ съ тамошними «отношеніями». Какъ искренній

другъ Франціи, не скрывавшій своихъ симпатій къ «союзнику своего монарха (курфюрста, а съ 1-го января 1806 г. короля баварскаго), Макса Иосифа, и поэтому радостно привѣтствовавшій первые признаки сближенія Пруссіи съ Франціей, Ольри находился въ Петербургѣ не въ особенно пріятномъ положеніи. Сторонники Англии и патріоты, смотрѣвшіе неодобрительно на всякое вмѣшательство Россіи въ западно-европейскія дѣла, видѣли въ немъ адвоката французскихъ интересовъ, отъ котораго они были не прочь отдѣлаться,—ихъ желаніе исполнилось лѣтомъ слѣдующаго года (1806 г.), когда Ольри получилъ приказаніе оставить Россію. Но пока онъ находился на своемъ посту Ольри, умѣлъ быть наблюдательнымъ и доносилъ своему двору обо всемъ совершавшемся на берегахъ Невы настолько подробно, насколько это было возможно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ первой изъ трехъ записокъ, посланныхъ имъ въ Мюнхенъ съ декабря мѣсяца 1805 г. по май мѣсяць 1806 г., онъ писалъ между прочимъ по поводу возвращенія Александра въ Петербургъ:

«Съ возвращеніемъ молодаго монарха наступила новая эра для всѣхъ лицъ, желающихъ войны или мира, для всѣхъ сторонниковъ и недоброжелателей министровъ, для вдовствующей и для царствующей императрицы и ихъ соперницъ. Обѣ императрицы выѣхали его величеству навстрѣчу въ Гатчину; императрица-мать не только для того, чтобы увидѣть и обнять своего сына, но въ тайной надеждѣ вернуть нѣкоторую долю своего померкшаго политическаго вліанія и значенія, а царствующая императрица—съ скромнымъ желаніемъ вернуть любовь своего высочайшаго супруга.

Изъ придворныхъ дамъ однѣ признавали за собою права на благосклонность императора, другія возлагали надежды на прежнія отношенія, наконецъ, третьи рассчитывали на новыя побѣды, и среди нихъ началось соревнованіе по поводу того, кто выкажетъ наиболѣе патріотической радости; при этомъ въ одинаковой степени были задѣты любовь, низкопоклонство, самолюбіе и тщеславіе.

Г-жа Кочубей ¹⁾, года два передъ тѣмъ привлекая на короткое время взоры императора, и Воронцовы смѣшались съ ранняго утра въ толпу, желая выказать этимъ преданность, которая давала право быть замѣченной и вознагражденной.

Одна изъ Чернышевыхъ помѣстилась во дворцѣ, въ корридорѣ, чтобы поцѣловать императору, когда онъ будетъ проходить мимо, платье и плечо,—а г-жа Нарышкина ²⁾, которая могла гордиться особымъ бла-

¹⁾ Супруга министра внутреннихъ дѣлъ, князя Виктора Павловича Кочубея.

²⁾ Марія Антоновна Нарышкина, рожденная княжна Четвертинская, † 1823 г.

воленіемъ, была настолько самоувѣренна, что стала ожидать, что императоръ самъ посѣтитъ ее. Во время вынужденной разлуки ей служила утѣшеніемъ переписка, которая пересылалась съ особыми курьерами. Соперничество этихъ дамъ продолжалось и вечеромъ, когда онѣ старались превзойти другъ друга во время иллюминаціи аллегорическими транспарантами, устроенными возлѣ ихъ домовъ. Это послѣднее заставило потрудиться надъ сочиненіемъ надписей для нихъ многихъ славившихся своимъ умомъ жителей столицы. У г-жи Кочубей горѣлъ венецъ государя съ надписью: «Царю и отечеству», г-жа Нарышкина избрала имя «Александръ» съ надписью: «au bienfaiteur du monde» (благодѣтелю міра) и хотя эта надпись подала поводъ къ злымъ шуткамъ, но она одержала блестящую побѣду. Императоръ, тотчасъ послѣ пріѣзда, посѣтилъ г-жу Нарышкину. На другой день она заболѣла—разумѣется, отъ избытка радостныхъ чувствъ; какъ извѣстно, императоръ давалъ очаровательной больной собственноручно прописанное врачомъ лѣкарство.

До тѣхъ поръ отношенія монарха къ очаровательной полкѣ были окружены тайною, какъ того требовало уваженіе къ скромной и добродѣтельной императрицѣ. Но со времени его возвращенія г-жа Нарышкина не скрываетъ болѣе оказываемое ей вниманіе: тотъ, кто дорожитъ своимъ положеніемъ, долженъ быть у ея ногъ.

О занятіи дѣлами, прерванными продолжительнымъ отсутствіемъ императора, при подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Къ рѣшенію важнѣйшаго вопроса о томъ, будетъ ли Россія продолжать войну съ Франціей или начнетъ переговоры о мирѣ, до конца года даже не было приступлено. За то, по словамъ г. Ольри, начались всевозможныя интриги, направленные противъ Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова. Трудно сказать, были ли эти интриги вызваны воинственными или миролюбивыми стремленіями. Поричать военныя дѣйствія и тѣхъ, кто ими руководилъ, не исключая великаго князя Константина Павловича, вошло въ моду; но главнымъ образомъ, интересъ сосредоточивался на личностяхъ; при этомъ между ними и интересовавшими всѣхъ политическими вопросами не проводилось никакой параллели, не дѣлалось никакого сопоставленія. Даже такіе неспособные люди, какъ министръ юстиціи князь Лопуханъ, писали записки, въ которыхъ они указывали грубыя ошибки, сдѣланныя ихъ тремя коллегами, но никто не хотѣлъ высказаться опредѣленно о томъ, какой политики слѣдовало держаться впредь относительно желаній императора. Было извѣстно одно: онъ говорилъ неоднократно, что не хочетъ разстаться со своими «друзьями», т. е. съ княземъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ и Строгановымъ, противъ которыхъ были направлены нападки общества, но не было рѣшительно никакихъ данныхъ, по кото-

рымъ можно было бы составить себѣ понятіе о намѣреніяхъ монарха.

Считалось весьма знаменательнымъ, что при представленіи новой пьесы «Le mariage d'Aubigné» его величество громко выражалъ свое одобреніе при каждой тирадѣ героя пьесы д'Обинья о преданности и твердости характера молодого короля (Генриха IV).

Слѣдующее донесеніе Ольри писано въ исходѣ февраля 1806 г. Съ мѣсяцъ передъ тѣмъ на засѣданіи совѣта министровъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ императора, было рѣшено начать съ Наполеономъ переговоры о мирѣ и въ то же время поддерживать союзъ съ Англіей (Питтъ скончался уже по принятіи этого рѣшенія 26-го января 1806 г.), быть въ возможно дружескихъ отношеніяхъ съ Портою и удерживать Пруссію отъ принятія сдѣланныхъ ей Франціею предложеній заключить миръ. Т е п е р ь, когда Россія со своей стороны хотѣла сдѣлать попытку войти въ «соглашеніе» съ Наполеономъ, было забыто то обстоятельство, что Александръ, всего нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, писалъ королю Фридриху-Вильгельму III, чтобы онъ по мѣрѣ возможности пришелъ къ какому-нибудь соглашенію съ Франціей. Императоръ самъ энергичнѣе всѣхъ высказался за необходимость заключить миръ; къ его мнѣнію присоединились министры, впрочемъ не безъ нѣкотораго колебанія. «Къ сожалѣнію,—пишетъ Ольри,—императоръ не обладаетъ тою твердостью характера, которая была бы ему необходима, если бы онъ хотѣлъ управлять самъ. Онъ возвратился изъ Аустерлица съ отвращеніемъ къ войнѣ и ко всѣмъ ея ужасамъ, а въ настоящее время любовь повидимому упрочила его въ этихъ взглядахъ, благопріятныхъ для человечества и мира. Г-жа Нарышкина постоянно твердитъ монарху, что она «надѣется имѣть его возлѣ себя и болѣе не потерять»; этими же словами привѣтствовала своего сына и вдовствующая императрица».

Упомянувъ о томъ, что положеніе министра Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова упрочилось, повидимому, болѣе чѣмъ когда-либо, и что даже вдовствующая императрица, относившаяся къ нимъ обыкновенно враждебно, стала благосклоннѣе и что сенаторъ Тропинскій, являсь къ императору съ новыми жалобами на «тріумвировъ», услышалъ отъ него рѣзкое замѣчаніе, Ольри продолжаетъ:

«По мѣрѣ того какъ вліяніе г-жи Нарышкиной на императора возрастаетъ, «тріумвиры» начинаютъ ухаживать за ней и искать въ ней поддержки».

Какаясь вопроса о политикѣ, Ольри былъ того мнѣнія, что миръ, не смотря на всѣ старанія, не удастся заключить, что общественное мнѣніе было противъ него. Свое мнѣніе онъ основывалъ на двухъ обстоятельствахъ: на нескрываемой антипатіи Чарторыйскаго къ Пруссіи и его симпатіи къ Австріи и на возраставшемъ въ Россіи недовольствѣ,

которымъ императоръ не рѣшился пренебречь. Высказывая все болѣе и болѣе открыто свои симпатіи къ Австріи, Чарторыйскій такъ тщательно избѣгалъ встрѣчи съ прибывшимъ въ Петербургъ, по порученію Фридриха-Вильгельма III герцогомъ Брауншвейгскимъ, что даже не бывалъ на придворныхъ обѣдахъ, на которые приглашался герцогъ. Самымъ заклятымъ врагомъ Пруссіи была мать Чарторыйскаго (Изабелла, рожденная графиня Флеммингъ, † 1835 г.), которая не могла забыть, что передъ послѣднимъ раздѣломъ Польши она ваялась въ ногахъ у маркиза Луккезани, моля его о томъ, чтобы Пруссія поддержала избраніе ея сына (впослѣдствіи министра) на польскій престолъ. Сближенію съ Пруссіей не сочувствовалъ также Новосильцовъ; антипрусскія чувства были такъ сильны въ обществѣ, что даже предупредительность Александра къ герцогу Брауншвейгскому не могла сдержать ихъ проявленія.

«Въ тотъ день,— пишетъ Ольри,—когда герцогъ пріѣхалъ въ Петербургъ и долженъ былъ присутствовать въ театрѣ, директоръ императорскихъ театровъ, Нарышкинъ, поставилъ, по просьбѣ своего брата, «Тартюфа». Креатуры Австріи и другіе недоброжелательные люди, старавшіеся противодействовать успѣху возложенной на герцога миссіи, хотѣли показать этимъ, что этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный принцъ былъ не болѣе, какъ фразеръ! Въ тотъ моментъ, когда герцогъ вошелъ въ царскую ложу, присутствующіе громко привѣтствовали его, полагая, что появилась царская фамилія. Когда же увидѣли, что въ ложу вошли только герцогъ, его свита, графъ Гольцъ¹⁾ и сопровождавшій ихъ Нарышкинъ, то со всѣхъ сторонъ раздалось довольно громкое «шканье». Тѣ же, кои недоумѣвали, что бы это могло значить, поняли, въ чемъ дѣло при слѣдующихъ заключительныхъ словахъ полицейскаго Орлову:

„Remettez vous Monsieur d'une alarme aussi chaude,
Nous vivons sous un prince, ennemi de la fraude,
Un prince dont les yeux se font jour dans lescoeurs
Et que ne peut tromper tout l'art des imposteurs“²⁾.

Раздались громкія и единодушныя рукоплесканья.

«Императоръ и великій князь вполне чистосердечны, оказывая любезность герцогу, но приближенныя монарха вліятельныя лица преслѣдуетъ цѣли, явно враждебныя ему. Миѣ извѣстно, что втайнѣ пускаются въ ходъ всевозможныя происки для того, чтобы Алопеусъ былъ отозванъ со своего поста изъ Берлина и чтобы на его мѣсто былъ назначенъ кто-либо иной. Алопеусъ едва-ли не единственный дипломатическій представитель Россіи за границею, который пользуется славою

¹⁾ Прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ, р. 1747 † 1818 г.

²⁾ Не бойтесь, сударь, ничего: бѣда прошла. Для короля стало очевидно, что вы обмануты жестоко и безстыдно и т. д.

человѣка безпристрастнаго и снискалъ въ Берлинѣ всеобщее уваженіе и расположеніе своимъ образомъ дѣйствій и своими прекрасными принципами (которые считаются здѣсь, разумѣется, «слѣпой преданностью»). Не знаю, будетъ ли онъ въ состояніи устоять противъ угрожающей ему бури; во всякомъ случаѣ это будетъ ему не легко.

Если таковы тайныя цѣли, которыя эта партія преслѣдуетъ противъ Пруссіи, то едва-ли нужно говорить о чувствахъ, какія питаетъ она противъ насъ (Баваріи). А между тѣмъ въ числѣ людей, кои держатъ себя подобнымъ образомъ, есть лица, выказывающія особое довѣріе генералу Меерфельду ¹⁾. Въ этомъ случаѣ министры и придворные держатъ себя совершенно различно, чтò составляетъ явленіе весьма любопытное въ этомъ мѣрѣ царедворцевъ. Многія высокопоставленныя лица не отдали визита австрійскому генералу и оставили безъ вниманія карточки, которыя онъ завозилъ имъ два раза. Къ числу ихъ принадлежитъ графъ (Алексѣй) Орловъ, который, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, не отдалъ австрійскому консулу визита; точно также поступилъ по отношенію меня въ Новый годъ графъ Шуваловъ ²⁾. Меерфельдъ, къ которому всѣ отнеслись весьма холодно, былъ принятъ особенно нелюбезно министромъ Гурьевымъ ³⁾ и Волконскимъ».

Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій пріѣхалъ въ Петербургъ 31-го января 1806 г., чтобы выяснитъ причины, побудившія короля Фридриха-Вильгельма III вступить съ Франціей въ сношенія, которыя привели 15-го февраля къ заключенію союзнаго договора. Горячность, съ какою Ольри говоритъ въ своемъ донесеніи о герцогѣ, отождествляя интересы Пруссіи съ интересами своей страны, даетъ поводъ думать, что баварскій резидентъ былъ вполнѣ оувѣдомленъ съ миссіей, возложенной на герцога Брауншвейгскаго, но ему не было повидимому извѣстно, что герцогу было сверхъ того поручено оправдать образъ дѣйствій Пруссіи и въ особенности занятіе Ганновера «силою обстоятельствъ» и подготовить заключеніе союза между Пруссіей и Россіей для совмѣстнаго дѣйствія противъ Наполеона. Пребываніе герцога въ Петербургѣ затянулось нѣсколько мѣсяцевъ. Ольри былъ совершенно правъ, говоря, что между взглядами руководящихъ сферъ Петербурга и любезностью, съ какою дворъ относился къ прусскому посланнику, не было ничего общаго; что господствовавшее въ войскѣ недовольство было вызвано тѣмъ духомъ «капральства» (corporatismus), который поддерживали въ немъ императоръ и великій князь и который

¹⁾ Генералъ Меерфельдъ, посланный въ Петербургъ австрійскимъ правительствомъ съ дипломатическимъ порученіемъ, считался отъявленнымъ врагомъ Франціи.

²⁾ Графъ Павелъ Шуваловъ † 1823 г.

³⁾ Министръ удѣловъ, съ 1810—1823, министръ финансовъ.

былъ главною причиною пораженія подъ Аустерлицемъ, и что, вслѣдствіе этого недовольства, императору было бы трудно въ надлежащій моментъ стать на сторону безусловныхъ сторонниковъ мира.

Въ своей третьей и послѣдней запискѣ, написанной въ началѣ мая 1806 г., Ольри сообщаетъ многія отдѣльныя подробности о переговорахъ, которые поглощали въ то время вниманіе Европы, но не описываетъ всего хода этихъ переговоровъ.

Въ первой половинѣ 1806 г. еще не было ровно ничего сдѣлано для осуществленія принятаго уже въ это время рѣшенія сдѣлать попытку къ соглашенію съ Наполеономъ для заключенія мира. Бывшій глава оппозиціи и партіи виговъ, въ англійской палатѣ общинъ, которая желала заключенія мира, Чарльзъ-Джемсъ Фоксъ, сталъ въ январѣ мѣсяцѣ 1806 г. во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, осиротѣвшаго со смертію Питга. По существовавшему въ Россіи убѣжденію, котораго держался въ особенности Чарторыйскій, это обезпечивало возможность заключенія англо-французскаго мирнаго договора и давало Россіи случай приступить совместно съ великобританскимъ кабинетомъ къ переговорамъ о мирѣ. Императоръ считалъ совместное дѣйствіе съ Англіей самымъ благоприятнымъ рѣшеніемъ вопроса, но Чарторыйскій хотѣлъ предупредить англичанъ и такъ сумѣлъ настоять на своемъ, что составленіе инструкцій для русскихъ уполномоченныхъ было поручено ему, и онъ могъ придать имъ двойное значеніе. Уполномоченнымъ для переговоровъ былъ избранъ бывшій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскій совѣтникъ Убри, но такъ какъ намѣренія Фокса все еще не были выяснены, то отъѣздъ Убри замедлился и дѣло оставалось нерѣшеннымъ вплоть до іюля мѣсяца.

Записка Ольри была написана въ это именно неопредѣленное время; онъ касается въ ней почти исключительно двухъ пунктовъ: постоянно возростающаго недовольства администраціей и усиленія вліянія и дѣятельности англійской партіи. Ревностный сторонникъ Франціи, Ольри не находитъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы изобразить тогдашнее положеніе Россіи и опасность, угрожавшую будущности этого государства и ея монарха. Несомнѣнно, что недовольство дѣйствительно было всеобщее, что причинъ къ этому было вполне достаточно и что подъ скипетромъ гуманнаго и нерѣшительнаго молодого императора злоупотребленія администраціи и лихоимства возрасли до чрезвычайныхъ размѣровъ по сравненію съ предъидущими царствованіями.

Весьма характерно, что самыя серьезныя и тяжкія обвиненія, предъявляемыя баварскимъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, основаны имъ на свидѣтельствѣ высшихъ сановниковъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ, и что эти «хорошо освѣдомленные люди» высказывали о своихъ коллегахъ и сотрудни-

какъ еще болѣе рѣзкія сужденія, нежели иностранный наблюдатель, который передаетъ только факты, сдѣлавшіеся всѣмъ извѣстными гораздо позже.

Донесеніе Ольри начинается описаніемъ серьезныхъ неудачъ, понесенныхъ русскою политикою въ Азіи, неудавшейся миссіи въ Японію и Китай, Резанова и графа Головкина и печальнаго исхода такъ много обѣщавшей вначалѣ экспедиціи князя Циціанова въ Персію и союзныхъ съ нею пограничныхъ закавказскихъ племенъ, отъ которой ожидали блестящихъ результатовъ. Затѣмъ онъ раздражается страстной филиппикой противъ графа Разумовскаго и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ (ссылаясь на свидѣтельство «свѣдущихъ людей», въ особенности директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Оберта), коихъ обвиняетъ въ подкупѣ со стороны Австріи и Англіи.

«Если принять во вниманіе великодушіе русскаго правительства относительно графа Стадіона ¹⁾, говоритъ Ольри, то можно подумать, что Россія хотѣла попытаться отплатить вѣнокому двору за его подкупъ тою же монетою. Помимо роскошныхъ подарковъ, сдѣланныхъ императоромъ ему (Стадіону) и его женѣ, его величество приказалъ приобрести за непомѣрно высокую цѣну бывшія въ домѣ этого посланника картины, вина и съѣстные припасы. Подобныя же предложенія были сдѣланы въ очень деликатной формѣ княземъ Чарторыйскимъ графу фонъ-деръ-Гольцу, который былъ очень стѣсненъ деньгами и даже много задолжалъ, но Гольцъ отвергъ ихъ со свойственной ему безупречной честностью.

«Коль скоро зашла рѣчь о представителяхъ иностранныхъ державъ, кстати будетъ упомянуть, что маркизь де-ла-Мезонфорть ²⁾ былъ назначенъ на несуществовавшій до тѣхъ поръ постъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ его высочества герцога Брауншвейгскаго. Судя по тому, что мнѣ говорила, подъ этимъ скрывалась тайная мысль учредить нѣкотораго рода контроль надъ русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ. Считаютъ возможнымъ что Аполеусъ, удержится на своемъ посту, и въ настоящее время, когда французское вліяніе возрастаетъ, въ сѣверной Германіи хотятъ имѣть въ распоряженіи человѣка, который могъ бы наблюдать за сосѣдними дворами, могъ бы получать, благодаря своимъ связямъ во Франціи, точныя свѣдѣнія изъ этой страны и въ случаѣ надобности могъ бы быть центромъ политическихъ интригъ,

¹⁾ Графъ Іоганъ-Филиппъ-Карль-Іосифъ Стадіонъ, назначенный послѣ заключенія Прессбургскаго міра австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ въ 1804 и 1805 г. посланникомъ въ Петербургъ (р. 1763†1824).

²⁾ Маркизь де-ла-Мезонфорть былъ образованный эмигрантъ, владѣвшій перомъ, сумѣвшій снискать благоволеніе императора и такъ называемаго тріумвирата вышеупомянутой исторической драмой „Le mariage d'Aubigné“.

отъ коихъ нѣкоторые люди все еще не отказались. Г. де-Мезонфортъ распространилъ слухъ, что онъ другъ герцога Брауншвейгскаго, въ столицѣ коего онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, и далъ понять министерству, что чрезъ посредство герцога, пользующагося большимъ уваженіемъ въ Пруссіи и у короля, можно будетъ вліять на берлинскій кабинетъ, противодѣйствовать вліявію Франціи въ Берлинѣ и имѣть точку опоры».

Затѣмъ Ольри переходитъ ко внутреннему состоянію Россіи. «Слабость характера императора такъ ясно обнаружилась въ теченіе его слишкомъ пятилѣтняго правленія, говорятъ онъ,—что она вызываетъ неудовольствіе въ войскѣ. Придворные, хорошо изучивъ его, злоупотребляютъ его добротой. Изъ всѣхъ ходячихъ по этому поводу разсказовъ особенно любопытенъ и характеренъ нижеслѣдующій. Императоръ былъ недоволенъ пріѣхавшимъ недавно въ Петербургъ изъ Смоленской губерніи княземъ Борисомъ Голицынымъ и вопреки обычаю не пригласилъ его къ обѣду. Князь явился однако въ обѣденное время въ залу, гдѣ собирались приглашенные. Когда о немъ доложили, то императоръ приказалъ гофмаршалу графу Толстому спросить, что ему угодно. Князь отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ къ обѣду, полагая, что слѣдующее ему по чину приглашеніе не было послано по недоразумѣнію. Монархъ, чрезвычайно этимъ разсерженный, приказалъ гофмаршалу удалитъ нахала, но Толстой, не имѣвъ ни малѣйшаго желанія нажать себя изъ-за мимолетнаго гнѣва его величества врага въ лицѣ представителя вліятельнаго рода, просилъ уволить его отъ этого непріятнаго порученія. Тогда императоръ приказалъ ему позвать петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, «у котораго,—сказалъ онъ,—хватитъ вѣроятности исполнить это приказаніе». Такъ какъ губернаторъ также высказалъ нѣкоторое колебаніе и сказалъ, что это было бы слишкомъ большимъ униженіемъ для Голицына, то Александръ уступилъ и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ сѣлъ за столъ. Голицынъ также сѣлъ за столъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, и добрый монархъ считалъ его достаточно наказаннымъ тѣмъ, что онъ не говорилъ съ нимъ и что онъ обратился къ сосѣду Голицына съ нѣсколькими ядовитыми замѣчаніями относительно послѣдняго.

Опуская рядъ фактовъ, которые Ольри приводитъ въ доказательство подкупности чиновниковъ, остановимся на одномъ примѣрѣ:

«Почтовый чиновникъ, получающій заграничную корреспонденцію, разсказывалъ, мнѣ безъ малѣйшаго стыда,—пишетъ онъ,—что онъ получаетъ ежегодно 20.000 рублей отъ петербургскаго купечества. Если что-либо подобное можетъ происходить, такъ сказать, на глазахъ у монарха, то можно себя представить, чтò дѣлается въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ».

«Когда о такихъ вещахъ заходитъ рѣчь, то русскіе объясняютъ ихъ слабостью и гуманностью императора и воспитаніемъ, которое онъ получилъ. Я не зналъ лично Лагарпа, но знаю, что принципы, внушенные имъ своему воспитаннику, не подходили къ тому призванію, къ которому онъ былъ предназначенъ судьбою. Александръ былъ совершенно чуждъ своей странѣ.

«Когда я вспоминаю начало его царствованія и сравниваю его съ теперешнимъ положеніемъ, то я не вѣрю своимъ глазамъ. Когда были учреждены министерства, увеличены права Сената и министры сдѣланы до нѣкоторой степени отвѣтственными, и всѣ эти гуманныя распоряженія исходили непосредственно отъ престола и даже былъ поднятъ вопросъ о мѣрахъ, клонившихся къ отиѣнѣ крѣпостнаго права, то можно было подумать, что Александръ хотѣлъ устроить свою обширную монархію, населенную по большей части варварами(!), по образцу Афинской республики(?). Въ то время онъ проводилъ вечера въ дружеской бесѣдѣ съ Лагарпомъ, съ которымъ онъ постоянно совѣтовался и коего слушалъ, подобно тому, какъ ученики божественнаго Платона слушали своего учителя. Когда, пріѣхавъ сюда, я обратилъ вниманіе на сдѣланныя нововведенія и на разницу, существовавшую между ними и прежними правительственными принципами, то одинъ престарѣлый русскій сановникъ сказалъ мнѣ:

— Видно, что вы еще не знаете нашей страны; годика черезъ два все это забудется и измѣнится.

«Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ.

«Императоръ бываетъ иногда вспыльчивъ и упрямъ, считая, что онъ проявляетъ этимъ свою власть, и гордясь этимъ; но его знаютъ и умѣютъ воспользоваться другимъ моментомъ, чтобы добиться отъ него подъ другимъ видомъ того, чего хотятъ».

При такомъ положеніи дѣлъ надежды на заключеніе франко-русскаго союза были не блестящи. Ольри говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«Англійская партія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вліянія, такъ что императору будетъ трудно побороть ее, если онъ когда-либо пойметъ опасность, какою она можетъ угрожать. Англійское посольство умѣетъ привлечь къ себѣ молодыхъ людей, кои имѣютъ вліяніе и значеніе въ политикѣ, и проявляетъ не свойственное ему обыкновенно гостепримство. Тотъ, кто держитъ сторону этой партіи, встрѣчаетъ со стороны англійскаго посольства самый радушный пріемъ, прочихъ же встрѣчаютъ такъ, что у нихъ пропадаетъ охота пріѣхать вторично. Особенно бросается въ глаза близость къ этой партіи Меерфельда; его можно постоянно встрѣтить въ обществѣ членовъ англійскаго посольства, подобно тому, какъ нѣкогда графа Стадіона. Въ императорскомъ дворцѣ Англія имѣетъ вліяніе чрезъ нѣкоторыхъ врачей, которые извѣстны не столько своимъ

профессіонымъ искусствомъ, сколько ловкостью къ интригамъ и умѣніемъ воспользоваться всякимъ обстоятельствомъ. Особенно́ отличается въ этомъ отношеніи Роджерсонъ. Онъ ѣздитъ часто въ Англію за новыми инструкціями и умѣетъ всегда быть во-время на мѣстѣ. Трудно себя представить, какъ враждебно относятся эти лица къ доктору Франку; его громкая извѣстность, неутомимая дѣятельность и умѣние держать себя ставили его до сихъ поръ выше интригъ и клеветы».

Событія, случившіяся вскорѣ послѣ отправленія этого донесенія, доказали полную справедливость всего сказаннаго Ольри. По желанію императора, Убри былъ посланъ въ началѣ іюля въ Парижъ, гдѣ онъ заключилъ, по настоянію Талейрана, предварительный мирный договоръ. Возвратясь въ Петербургъ, Убри нашелъ въ столицѣ большія перемѣны Чарторыйскій, давшій ему инструкціи, которыя были составлены въ такомъ смыслѣ, что имъ могло быть придано различное истолкованіе относительно заключенія отдѣльнаго мира между Россіей и Франціей, оставилъ свой постъ а его преемникъ добился отмены заключеннаго предварительнаго договора и не одобрилъ всего сдѣланнаго Убри.

Рѣшительность, съ какою баронъ Будбергъ сталъ на сторону Англіи, поразила не только Чарторыйскаго, но даже и тѣхъ, кои хлопотали о его назначеніи.

Ольри, который (по его словамъ), не смотря на личное благоволеніе къ нему великаго князя Константина Павловича и дружескія отношенія къ Чарторыйскому, былъ постоянно окруженъ шпионами, былъ вынужденъ покинуть Петербургъ въ 1806 г. Его донесенія попали, какъ жется, не въ надлежащія руки; кромѣ того онъ возстановилъ противъ себя многихъ своею любовью къ интригамъ и своимъ эксцентрическимъ поведеніемъ. Ревностный приверженецъ Франціи и поклонникъ либеральныхъ и просвѣщенныхъ принциповъ, Ольри сдѣлался со временемъ такимъ отчаяннымъ реакціонеромъ и ультрамонтаномъ, что Швейцарскій Союзъ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ во время реставраціи, считалъ его врагомъ швейцарской независимости, и ему угрожала опасность вторично быть удаленнымъ съ поста дипломатическаго агента.

Де-Бре находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ Ольри только во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Въ дипломатическомъ мірѣ и въ особенности въ кругу аккредитованныхъ въ Берлинѣ дипломатовъ придавали извѣстное значеніе донесеніямъ баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, такъ какъ ихъ считали правдивыми и заслуживающими довѣрія. Поэтому-то, вѣроятно, де-Бре и старался возстановить въ Петербургѣ репутацію нужнаго человѣка и обращался съ этой цѣлью къ Чарторыйскому и другимъ вліятельнымъ лицамъ, но всѣ его старанія были безуспѣшны.

(Продолженіе слѣдуетъ).